

Меметов Айдер, доктор филологических наук, профессор, декан факультета крымскотатарской и восточной филологии, Таврическая академия (с.п.), ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», г. Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
e-mail: aydem44@mail.ru

СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «КОДЕКС КУМАНИКУС»*

Аннотация. В настоящей статье выявляются иранские, арабские, монгольские, греческие, славянские и другие заимствования в лексическом составе куманского (татарского) языка, которые отражены в письменном памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII в.). Устанавливается характер языковых контактов, определяется роль иноязычных заимствований в развитии лексики татарского (куманского) языка, производится классификация заимствованных слов по предметно-тематическим группам, анализируются особенности адаптации заимствований из других языков на лексико-грамматическом уровне принимающего языка.

Методом сплошной выборки нами проанализирован весь лексический состав словарной части «Кодекса Куманикуса». Всего исследовано около трех тысяч слов-знаков. Из них тюркскими являются 2347 слов-знаков. Заимствованные слова составляют 381 слов-лексем. В том числе, персидские – 163, арабские – 145, монгольские – 29, греческие – 16, русские – 6, итальянские – 2, согдийские – 2, латинские – 1, из других языков – 17.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 19-011-00030

Тюркский пласт лексики при дальнейшей классификации разделяется на следующие группы: 1) общетюркский слой, включающий как протюркскую лексику, так и слова, ставшие общетюркскими благодаря языковым контактам и заимствованиям; 2) общекрыпчакский слой, частично распространенный и среди некрыпчакских тюркских языков, имевших связи с крыпчакскими языками; 3) ареальная для западнокрыпчакских языков лексика; 4) лексика, имеющая общность с ареалами, непосредственно соприкасающимися с западнокрыпчакскими языками (западнокрыпчакско-огузская или юго-западная, западнокрыпчакско-северокрыпчакская, западнокрыпчакско-восточнокрыпчакская); 5) лексика, характерная лишь для куманского (татарского) языка.

Ключевые слова: «Кодекс Куманикус», куманы, крымскотатарский язык.

Memetov Ayder, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Crimean Tatar and Eastern Philology, Tavricheskaya Academy (structural unit), V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Crimea Republic, Russia
e-mail: aydem44@mail.ru

THE SPHERE OF FUNCTIONING AND LEXICAL AND GRAMMATICAL DEVELOPMENT OF FOREIGN-LANGUAGE LOANS IN "THE CODE KUMANIKUS"

Annotation. This article identifies Iranian, Arabic, Mongolian, Greek, Slavic and other borrowings in the lexical composition of the Kuman (Tatar) language, which are reflected in the written monument "Codex Cumanicus" (XIII century). The nature of language contacts is established, the role of foreign language borrowings in the development of vocabulary of the Tatar (Kuman) language is determined, the borrowed words are classified by subject groups, the adaptation features of borrowings from other languages are analyzed at the lexical and grammatical level of the host language.

Using the continuous sampling method, we analyzed the entire lexical composition of the vocabulary part of the “Code of Cumanicus”. A total of about three thousand word signs were investigated. Of these, Turkic are 2347 word signs. Borrowed words make up 381 words-tokens. Including, Persian - 163, Arabic - 145, Mongolian - 29, Greek - 16, Russian - 6, Italian - 2, Sogdian - 2, Latin - 1, from other languages - 17.

In the course of further classification, the Turkic layer of vocabulary is divided into the following groups: 1) the common Turkic layer, which includes both the Turkic vocabulary and words that have become common Turkic due to linguistic contacts and borrowings; 2) the common Kipchak layer, which is partly spread among the non-Kypchak Turkic languages that had connections with the Kypchak languages; 3) areal vocabulary for Western languages; 4) vocabulary that has a commonality with the ranges directly in contact with Western languages (West-Pypchak-Oguz or South-West, Western-Kypchak-North Kypchak, Western Pypchak-East-Pypchak); 5) vocabulary, characteristic only for the Kuman (Tatar) language.

Keywords: “Codex Cumanicus”, Cumana, Crimean Tatar language.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ. В «Кодексе Куманикусе» общетюркский слой представлен корневыми и производными словами, в основном исконно тюркскими, восходящими к пратюркской эпохе. Многие общетюркские слова зарегистрированы в древнетюркских памятниках письменности: это главным образом группы слов, в течение тысячелетий имевшие высокую частотность употребления в быту и в тех отраслях хозяйства, которые преобладали у носителей языка. Сюда относятся имена существительные – названия предметов окружающего мира и явлений природы: taš (236) «камень», toz (250) «пыль», aj (30) «луна», kün (158) «солнце», jamur (112) «дождь», qar (193) «снег», bulut (68) «облако», jel (121) «ветер», savuq, suvuq (216) «холод», su (224) «вода», buz (70) «лед» (здесь и далее в скобках указаны страницы из книги К. Grönbech «Komanisches Wörterbuch» [13]) Слова, входящие в данную предметно-тематическую группу, являются общетюркскими. Они сохранились

в большинстве современных тюркских языков с незначительными фонетическими изменениями, которые отражены и в диалектах крымскотатарского языка.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ.

Иранские элементы в «Кодексе»

Тюркоязычные предки татар, проживавших в Крыму в XIII веке, с древнейших времен имели непосредственные контакты с иранскими и ираноязычными племенами. Эти контакты часто носили мирный характер. Тогда процветала торговля, развивалась культура, строились города на всей территории Дешти Кыпчака. О тесных мирных связях татар и иранцев в XIII веке свидетельствует и памятник «Кодекс Куманикус, в котором наряду с татарским языком представлен и иранский. Оба эти языка служили средством международного общения на всей территории шелкового пути начиная от Черноморского побережья до Средней Азии, Индии и Китая. В результате торговых, политических и экономических связей из иранских языков проникло большое количество лексических, грамматических и синтаксических элементов. В свою очередь иранские языки обогатились за счет заимствований из тюркских языков.

Заимствованные иранизмы в татарском (куманском) языке Крыма широко употреблялись в различных предметно-тематических группах и в первую очередь в области земледелия. В частности, в виноградарстве, садоводстве и цветоводстве, например: *baŭ* (46) «виноградник», *baŭça* (47) «сад», *bostan* (65) «бахча», *armut* (40) «груша», *badam* (46) «миндаль», *xorma* (103) «хурма», *inğir* (107) «инжир», *şaftalu* (230) «персик», *gül* (97) «роза», *nohut* (172) «горох (крупный)», *rajgan* (209) «мята», «базилик», *şalyam* (230) «репа», *hejar* (102) «огурец».

Значительное количество заимствованных иранизмов в татарском языке Крыма в XIII веке использовалось для обозначения диких и домашних животных и птиц: *fil* (97) «слон», *ğanavar* (98) «дикое животное», «зверь», *palaj*

(187) «леопард», bülbul (70) «соловей», xoroz (103) «петух», sansar (216) «белка», totu (250) «попугай».

Группа иранизмов в татарском разделе «Кодекса Куманикуса» обозначала части тела, человеческие качества, взаимоотношения между людьми, например, ğigar (98) «печень», balıam (48) «слизь, мокрота», avaz (45) «голос», baxt (48) «счастье», mihir (164) «любовь», azat (46) «свободный», badbaqt (46) «несчастный», dost (83) «друг», dūšman, tūšman (84) «враг».

Определенная группа заимствованных иранизмов употреблялась в сфере торговли, например, bazar (53) «рынок», «базар», bazargan (53) «продавец», mijanči (164) «маклер», «посредник», tarazu (236) «весы», mohor (165) «печать».

Иранские заимствования в команском (татарском) языке использовались и в сфере строительства: čaguč (73) «молоток», dyvar (84) «стена», čatyr (74) «шатер», saraj (214) «дворец», šahar (230) «город», kireč (148) «известь», taqta (235) «доска» и др.

Иранизмы, используемые для обозначения предметов быта, домашнего обихода, названий продуктов и напитков: pijala (187) «пиала», čuqaq (79) «свечка», ajna (31) «зеркало», kilim (142) «ковер», šeker (230) «сахар», šira (230) «сок», «вино» и др. Заимствованная иранская лексика, обозначающая географические понятия и названия дней недели: ğahan, ğehan (98) «мир», «вселенная», hafta (99) «неделя», je-šanbe (123) «воскресенье», se-šanbe (218) «вторник», sahar-šanbe (72) «среда», ran-šanbe (187) «четверг». Персидские заимствования в татарской части «Кодекса» встречаются также в религиозной сфере: rajıambar (186) «пророк», ferišta, frište (97) «ангел», ğan (98) «душа», hač (99) «крест».

В лексико-грамматическом плане заимствованные татарским (куманским) языком иранизмы представляют собой следующие части речи:

1) существительные (например, avaz (45) «голос», badam (46) «миндаль», divar (84) «стена»);

2) прилагательные (например, badbaqt (46) «несчастный», d(e)raz (83) «длинный»), nezik (172) «нежный», harkiz, herkiz (101) «каждый», «всякий»;

3) наречия (например, d(u)rust (83) «правильно», beğuda (54) «напрасно», «зря»), tez (243) «быстро», hanuz (100) «сейчас»;

4) местоимения (например, определительное – her (102) «каждый», «всякий»; отрицательное – heş, eñ (102) «никто», «ничто»);

5) числительные (например, jek (121) «один». Другие числительные заимствованы в составе сложных слов, и они в татарском языке не вычленяются, например, tu-şanbe (257) «понедельник», где фонетически видоизмененный вариант tu от du означает «два»; şahar-şanbe (72) «среда», где şahar означает «четыре». В составе rap-şanbe (187) «четверг» первый компонент rap выступает усеченным вариантом числительного rapñ «пять»;

6) союзы (например, eger, eğer (84) «если», ham (100) «и», «тоже», ne...ne (169) «ни...ни».

Заимствованные иранские слова полностью адаптированы морфологической системой куманского (татарского) языка. Существительные изменяются по числам путем присоединения татарских аффиксов множественного числа -lar/-ler, склоняются по падежам, принимают аффиксы принадлежности и сказуемости. От иранских основ при помощи татарских аффиксов образуются: 1) имена существительные - baqça + çu (49) «садовник», çuraq+luq (79) «подсвечник»; 2) глаголы – хог + la (103) «мучить», «издеваться», nişan + la (172) «целиться», «взять на мушку»; «засватать»; 3) прилагательные - baht + lu (48) «счастливый».

На новой языковой почве все иранизмы полностью утратили свою «внутреннюю форму», т.е. все иранизмы независимо от структуры в языке-источнике в татарском (куманском) языке воспринимаются как непроемные основы. Например, слово badbaqt (46) «несчастный» в иранских языках является производным и состоит из двух слов – прилагательного bad «плохой» и существительного baqt «счастье». Однако это сложное иранское заимствование в принимающем языке, т.е. в куманском (татарском) морфологически представляет неделимую основу.

Арабские элементы в «Кодексе»

Среди значительного количества иноязычных слов в лексическом составе татарского (куманского) языка заметное место занимают арабские заимствования, проникшие сначала в результате экономических, а затем и религиозных контактов татар с арабами. Как отмечают исследователи, заимствование арабской лексики тюркскими языками началось, главным образом после завоевания арабами Византии, Ирана, Средней Азии и других соседних государств [4; с. 187-201, 5, 7, 14; с. 200-207]. На завоеванных территориях прежде всего арабы стремились распространить свою религию – ислам. Для этого вместе с военными отрядами в походах участвовали и проповедники ислама. Исламизация покоренных народов привела к широкому употреблению арабского языка в области мусульманского богословия, в официально-чиновничьем мире, в культурной жизни и научной работе [6; с. 327].

В больших масштабах арабская лексика стала заимствоваться тюркскими языками Средней Азии, как отмечает Н.А.Баскаков, с X в. [2; с. 76], т.е. после принятия ислама тюркоязычным населением, перешедшим к оседлой жизни [1; с. 16].

Распространение ислама на территории Крыма, а вместе с ним и усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав татарского (куманского) языка относится к XIII – XIV векам. Так, с XIII в. в Крым стали прибывать проповедники ислама из различных городов мусульманского мира, в основном из Дамаска, сельджукской Конии, Бухары и Хорезма. Названия этих крупных малоазиатских и среднеазиатских центров, откуда осуществлялась в тот период интенсивная мусульманская пропаганда, явственно отражают вещественные памятники: строительные надписи мечетей, надгробия, огромное количество которых найдено в Старом Крыму и Отузах во время раскопок, проведенных археологическими экспедициями в 1925 – 1926 и 1928 гг. [10; с. 5-7]

Сооружение самых ранних мечетей в Крыму относится ко второй половине XIII века. По мнению известного турецкого историка Эвлия Челеби,

посетившего Крым в XVII в., одна из первых мусульманских мечетей в Старом Крыму была построена каким-то выходцем из Бухары в сентябре-октябре 1263 года, о чем свидетельствует строительная надпись, сделанная прописью по-арабски [11; с. 663]. По распространенному мнению, средства на строительство самой большой мечети, воздвигнутой в Старом Крыму в 1287 г. [9; с. 89], выделил египетский султан Бейбарс, поддерживавший тесные контакты с Крымом.

Строительная надпись на мечети Узбека в Старом Крыму, прочитанная и опубликованная Н.Мурзакевичем, свидетельствует о ее сооружении в 1314 году [8; с. 529]. Медресе при этой мечети было построено Инджи-бек (по другим источникам Ильчи) хатун в 1332/33 г., что также подтверждает строительная надпись и надгробие с именем и датой смерти (1371 г.) учредительницы этого медресе, найденными на его территории [3; с. 639, 11; с. 289-299].

Ценный материал о времени распространения и закрепления ислама в Крыму дает нам и язык надписей на надгробных камнях. Так, на могильных плитах (дюрбе) XIII века параллельно с надписями на старокрымском языке встречаются надписи на арабском алфавите, а на памятниках XIV века надписи на арабском алфавите уже преобладают. Кроме того, на надгробиях XIV – XV вв. уже редко встречаются тюркские имена, вытесненные мусульманско-арабскими.

Таким образом, учитывая время прибытия первых проповедников ислама в Крым и сооружение там первых мусульманских мечетей, а также язык надписей на надгробных камнях и замену тюркских личных имен арабскими, можно предположить, что ислам закрепился среди местного населения Крыма только в XIV веке. Следовательно, интенсивное проникновение арабской лексики в татарский язык Крыма началось в этот период. Если вначале арабские элементы проникали в результате торгово-экономических взаимоотношений татар Крыма с арабами, то позже, после принятия ислама,

арабская лексика вошла в татарский язык вместе с мусульманской культурой: арабским письмом, с богословскими книгами и духовными школами.

Заимствованные татарским (куманским) языком арабизмы классифицируются следующим образом:

Арабизмы, обозначающие части тела человека, его духовные, физические, умственные и интеллектуальные особенности: haqyl, aqyl (101) «ум, разум», qovat (201) «сила, мощь», nafas (167) «дыхание», ɣam (97) «горе, печаль», sabur (210) «терпение», haziz, aziz (102) «дорогой», «уважаемый», hormat (103) «уважение, почет», haq (101) «право», barakat (50) «благополучие», saadat (209) «счастье», muxtaç (165) «нуждающийся», amanat (36) «надежность», «верность», «преданность», «честность», aşıq (44) «влюбленный».

Религиозная лексика: molla (165) «мулла, духовный наставник», alqoran (35) «Коран», «Священная книга мусульман», qurban (203) «жертва для заклания», sadaɣa (210) «милостыня», xallal (99) «дозволенное по Корану», xaram (101) «недозволенное по Корану», rahim (209) «милосердный», elfoqah (87) «чтец Корана», «знаток мусульманского права», rebe (209) «религ. господь», řerijat (230) «шариат», «свод мусульманских законов», toba (246) «покаяние».

Арабизмы, употребляющиеся в области обучения и образования: qalam (191) «средство для письма, карандаш», maqala (163) «статья», noqta (172) «точка», ğovar (98) «ответ», duvat (83) «чернильница».

Арабизмы, обозначающие профессии: qasap (195) «мясник», ham(m)al (100) «носилищик, грузчик», katip (134) «писарь, секретарь», hakim (99) «правитель».

Заимствованные арабизмы, употребляющиеся для обозначения географических понятий и предметов окружающей среды: alam (34) «мир, вселенная», dunja (83) «вселенная», hava (101) «воздух», nur (172) «свет».

Арабизмы, употребляющиеся в сфере торговли: harç (101) «расход, издержки», «деньги на расходы», hasyr (101) «убыточный», atar (44) «душистый, ароматический», baqam (49) «молодой скот, молодняк», ketan (141)

«лен», kibrit «сера», «спички», laal («жемчуг», «рубин»), maağun (161) «паста, мастика», «замазка», oqt (178) «мера веса равная 400 драхмам или 1, 248 кг.», qatifa (196) «бархат», «вельвет», «плющ», saraf (214) «размен», «расходование», naqt (168) «наличные деньги», suf (225) «шерсть».

Арабизмы, употребляющиеся для обозначения предметов быта и домашнего обихода: sufra (225) «стол», naal (167) «подкова», naqş (167) «рисунок», «украшение», qalyp (191) «колодка, форма»; «колодец», maxsyт (162) «серб, коса», miret (165) «зеркало», murvat (166) «кусок камня, кусок кварца», sunduq (225) «сундук», tabaq (231) «поднос».

В процессе заимствования и усвоения арабские слова в татарском (куманском) языке претерпели определенные фонетические трансформации, обусловленные различиями фонетических структур арабского и татарского языков. Однако следует иметь в виду, что многие варианты слов и их чтение являются условными, так как «Кодекс Куманикус» состоит из множества документов разных авторов и общая его редакция не была осуществлена.

Арабизмы, усвоенные татарском (куманским) языком, служат основой для образования:

новых имен существительных при помощи продуктивных аффиксов принимающего языка -лыкъ/ -лик/ -лукъ/ -люк, например, salamat+lyq (212) «здоровье», emin+lik (98) «уверенность», sabur+lyq (210) «терпение»;

новых глаголов при помощи продуктивных татарских аффиксов –ла/ -ле, например, hormat (103) «уважение» + суфф. –la = hormatla- (103) «уважать», mülk «собственность», «имущество» + суфф. -le- = mülkle-(167) «завладеть собственностью, имуществом»;

новых прилагательных, например, naamat «благословение», «благополучие» +lu = naamatlu (167) «благословенный», «благополучный».

На новой языковой почве многозначные заимствования обычно сужали объем своей семантики и употреблялись в одном значении, например, заимствованное слово majmun (162) в татарском (куманском) языке употребляется для обозначения «обезьяны», тогда как в арабском языке это

слово было полисемантичным и обозначало: 1) счастливый, благоприятный, блаженный; 2) обезьяна.

Расширение семантической структуры заимствованных иранизмов и арабизмов для обозначения ими новых предметов и понятий окружающей нас действительности, изменение первоначального их значения на новой языковой почве нами в «Кодексе» не обнаружено.

Заимствования в «Кодексе» из других языков

Из общего количества заимствований в «Кодексе» (381 слово-лексем) монголизмы составляют 29 слов, что соответствует 7,61 %. Как известно, вопросы тюркских и монгольских взаимоотношений занимают немаловажное место в кругу алтаистических проблем. Если одни ученые, такие как Владимирцов Б.Я., Рясянен М., Юнусалиев Б.М., Базилхан Б. выступают сторонниками генетического родства тюркских и монгольских языков, основываясь на значительной общности их лексического состава и грамматического строя, то другие (Санжеев Г.Д., Котвич В., Батманов И.А., Щербак А.М.) тоже не без оснований считают преждевременно говорить об их едином происхождении, и в большом сходстве тюркских и монгольских языков усматривают лишь результат длительных и интенсивных контактов их носителей.

Выявленные в «Кодексе» монголизмы отражают древние и средневековые взаимосвязи тюркских и монгольских языков, которые, по мнению Клосо́на Дж., были устойчивыми и наиболее интенсивными в IV – VII и VIII-XII вв. [12; с. 174-187].

В фонетическом плане заимствованные монголизмы в татарском (куманском) языке не претерпели существенных изменений. Сингармонизм монгольских слов полностью сохранился, коренной перестройки звукового обличья заимствований не произошло, так как и в заимствующем языке четко прослеживается гармония гласных.

В морфологическом отношении заимствованные монголизмы в татарском (куманском) языке также не подверглись серьезным изменениям. Они

употребляются в виде тех же лексико-грамматических основ, что и в языке-источнике: существительные (например, *mañlaj* (162) «лоб», *noqta* (172) «уздечка», *oba* (173) «холм», «куча», «курган»); прилагательные (например, *šeber* (74) «ловкий», «проворный», «искусный», *serövün* (218) «прохладный»).

Заимствованные в «Кодексе» слова из греческого, итальянского, латинского и других языков используются в основном в сфере религии, например, *altar* (36) «алтарь», *amen*, *amin* (37) «аминь», *apostol* (38) «апостол», *ave* (45) «аве», *baptisma* (49) «баптизм», *evangelim* (96) «Евангелие», *klisa* (149) «церковь», *kristian* (157) «христианин», *qanfor* (192) «камфора», *oçana* (179) «орган», *rapaz* (187) «поп», *psalmo* (187) «псалом», *qatolik* (196) «католик».

Список источников:

1. Бартольд В.В. История Туркестана. Ташкент, 1922. – 50 с.
2. Баскаков Н.А. Состав лексики каракалпакского языка и структура слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, ч. IV. Лексика. М.: Изд-во АН СССР. 1962. – С.69-101
3. Бороздин И.Н. Солхат (предварительный отчет о работе археологической экспедиции в 1925 г.) // Новый Восток. 1926. № 13 – 14. – С 271-301.
4. Дмитриев Н.К. Арабские элементы в башкирском языке // Строй тюркских языков. М., ИВЛ. 1962. - С.187-201
5. Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке. Л., 1973
6. История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент: Фан, 1967.
7. Майзель С.С. Арабские и персидские элементы в турецком языке. М., 1945. – 30 с.
8. Мурзакевич Н. Эски-Крымская арабская надпись. // Записка Одесского общества истории и древностей. Т. II, III. Одесса. 1850.
9. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XIII века. Спб., 1887. – 824 с.

10. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII – XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1927. Т. 1. (58-й). С. 5-17
11. Evliya Celebi seyahatnamesi. (Турецкое издание, т. 1 – 10. Стамбул, 1887 – 1938 гг.). Т. VII.
12. Clauson G. The earliest Turkish loan words in Mongolian. CAJ, 1V, 3, 1959, p. 174 – 187.
13. Grönbech K. «Komanisches Wörterbuch», Kobenhavn, 1942.
14. Scherner Bernd. Probleme arabischer und Neupersischer Lehnworten im Tatarischen. – «Ural-Altaische Jahrbucher». Wiesbaden, 1972, band 44, p. 200-207.